

Уэтли Ричард

Основания логики

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Р56

Р56 **Ричард У.**
Основания логики / Уэтли Ричард – М.: Книга по Требованию, 2024. – 550 с.

ISBN 978-5-519-78605-8

ISBN 978-5-519-78605-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

стали предметомъ незаслуженнаго презрѣнія. Представляя Логикѣ какъ науку, доставляющую единственное средство для *открытія истины* во всѣхъ областяхъ знанія и научающую пользоваться *умственными способностями* вообще, они возбуждали ожиданія и породили требованія, которыя не могли быть удовлетворены и потому, естественнымъ образомъ, вызвали реакцію противъ нея. Подъ вліяніемъ этой реакціи распространилось мнѣніе о бесполезности и бессодержательности науки, не основательныя притязанія которой были обнаружены. Такъ было съ нѣкоторыми изъ лучшихъ лекарствъ, которыя, при первоначальномъ введеніи ихъ въ употребленіе, выставялись какъ всецѣлебное средство отъ самыхъ разнообразныхъ болѣзней; въ послѣдствіи на нѣкоторое время они иногда совершенно выходили изъ употребленія, хотя позже, когда свойства ихъ были изслѣдованы, они снова стали употребляться для произведенія тѣхъ дѣйствій, которыя они дѣйствительно могутъ производить.

Въ одномъ изъ писемъ лорда Дедлэ къ Епископу Коплестону (1814) онъ указываетъ въ доказательство бесполезности занятія Логикою на то обстоятельство, что ею съ особенною любовью занимались въ тотъ темный періодъ, когда умственныя способности людей были повидимому парализованы, въ теченіи котораго не сдѣлали ни одного открытія и когда многія ошибки были распространяемы и пустили глубокіе корни; что напротивъ того занятія Логикою пришли въ упадокъ и стали предметомъ все-

общаго презрѣнія, когда умственная дѣятельность міра оживилась, когда стало процвѣтать и приносить плоды философское изслѣдованіе. Это мнѣніе я привелъ въ «Основаніяхъ Реторики» (ч. II, гл. III, § 2.) какъ примѣръ допущенія, которое само по себѣ не содержитъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, но которое можетъ быть отвергнуто на основаніи противоположнаго допущенія. Коль скоро какая нибудь отрасль знаній была развиваема не такъ какъ слѣдуетъ, на счетъ другихъ знаній, коль скоро ее распространяютъ на тѣ области, которыя не имѣютъ къ ней непосредственнаго отношенія, то можно допустить, что это вызоветъ реакцію, вслѣдствіе которой она станетъ предметомъ такого же неумѣреннаго презрѣнія, боязни и отвращенія. Въ разсматриваемомъ здѣсь случаѣ легко себѣ представить, что ложное и нецѣльное направленіе Логики во времена умственнаго упадка могло вызвать въ послѣдующее, сравнительно свѣтлое, время представленіе о совмѣстности Логикъ съ незнаніемъ, предразсудками и приверженностью къ старымъ ошибкамъ; такое же представленіе можетъ помѣшать замѣтить пользу и настоящее значеніе науки (предполагая, что ей можетъ быть приписано и то и другое). Наши предки не позаботились засѣять и собрать плоды съ новыхъ полей, а довольствовались тщетнымъ перемолачиваніемъ старой соломы и перегвѣиваніемъ той же мякнны. Послѣ этого можно напередъ сказать, что ихъ потомки станутъ въ теченіи нѣкотораго времени съ презрѣніемъ смотрѣть на самыя операціи молитвы

и вѣянія и стануть пытаться перемалывать зерно, соломѣ и мякину вмѣстѣ.

Замѣчательно то обстоятельство, что то самое лицо, къ которому обращены были только что приведенныя слова, было свидѣтелемъ значительнаго измѣненія (вызваннаго въ значительной степени его же трудами) во взглядахъ общества на этотъ предметъ и это въ теченіи не большаго частіи промежутка времени, протекшаго между полученіемъ и обнародованіемъ этого писма. Этимъ самымъ указанное выше предположеніе Лорда Дедлэ потеряло всякое основаніе. Въ теченіи этого времени сочиненіе, составленное съ помощію Д-ра Конкестона и съ его позволенія помѣщенное въ Энциклопедіи, привлекло всеобщее вниманіе, на столько, что потребовалось отдѣльное печатаніе его, и выпущено было нѣсколько изданій его не только въ Англіи, но и въ соединенныхъ Штатахъ Америки, гдѣ оно, кажется, введено во всѣхъ училищахъ какъ руководство. Къ этому нужно еще присоединить частыя (сравнительно съ тѣмъ, что было лѣтъ двадцать или тридцать тому назадъ) ссылки на Логіку у писателей по различнымъ предметамъ; кромѣ того нѣсколько другихъ сочиненій о Логикѣ появлялись и все чаще и чаще появляются въ послѣдніе годы. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій не имѣютъ ничего общаго съ этою книгою, кромѣ названія. Но это-то обстоятельство и служитъ поощреніемъ, такъ какъ оно показываетъ, что имя науки не возбуждастъ уже, какъ прежде, всеобщаго подозрѣнія, а служитъ напротивъ какъ бы ре-

комендацію. Вѣроятно Лордъ Деблэ, если бы онъ былъ теперь живъ, не сказалъ бы, что Логика находится во всеобщемъ забвеніи и пренебреженіи, хотя всѣ отрасли Наукъ, Философіи и Литературы процвѣтали въ это время.

Польза Логики можетъ быть объяснена вполне только при изложеніи ея системы. Здѣсь будетъ кстати высказать только одно замѣчаніе. Если бы спросили: что слѣдуетъ разсматривать какъ самое присущее человѣку умственное занятіе, то что бы отвѣтили на это? Государственный человѣкъ занятъ дѣлами политики, полководецъ—военными, математикъ—свойствами чиселъ и величинъ, купецъ—дѣлами торговли и т. д. Что всѣ они и каждый изъ нихъ при этомъ дѣлаютъ, какъ люди? (Я прибавляю это потому, что есть много способовъ упражнять умственные или физическія способности, которыя сходны для людей и низшихъ животныхъ.) Очевидно, что общее во всемъ этомъ есть *Разсужденіе*. Всѣ они заняты выводомъ, правильно или неправильно, заключеній изъ посылокъ, относящихся спеціально къ предмету занятій каждаго. Если окажется, что ежедневный процессъ, происходящій въ такомъ большемъ числѣ умовъ, можетъ быть во всѣхъ отношеніяхъ разсматриваемъ какъ *одинъ и тотъ же*, и если начала, на которыхъ онъ основывается, могутъ быть собраны въ строгую систему, изъ которой могутъ быть выведены правила, руководящія въ этомъ процессѣ, то врядъ ли кто станетъ отрицать, что такая система и эти правила заслуживаютъ особеннаго вниманія, неп

только со стороны лицъ того или другаго рода профессій, но со стороны всякаго, желающаго развить свой умъ. Можно смѣло утверждать, что пониманіе теоріи процесса, который составляетъ характерное умственное занятіе человѣка вообще, и умѣніе дѣлать хорошо то, что всякій будетъ и *долженъ* во всякомъ случаѣ, хорошо или дурно, дѣлать,—что это составляетъ существенную часть хорошаго образованія.

Но допуская даже, что изученіе Логикѣ не привело бы ни къ какимъ практическимъ улучшеніямъ разсужденія, изъ этого еще не слѣдовало бы, что предметъ этотъ не заслуживаетъ вниманія. Знакомство съ интересными предметами, ради одного любопытства, обыкновенно не разсматривается какъ напрасная трата времени, а напротивъ. какъ полезное упражненіе для ума, если не непосредственно, то косвенно, въдѣствие того изощренія умственныхъ способностей, которое съ этимъ связано. Не всѣ изучающіе Математику имѣютъ въ виду сдѣлаться землеѣрами или механиками; нѣкоторое знакомство съ Анатоміею и Химіею всегда предполагается въ хорошо образованномъ человѣкѣ, хотя онъ не хирургъ и не лекарь. Врядъ ли можно разсматривать изслѣдованіе процесса, который вообще и въ частности занимаетъ людей, разсматриваемыхъ какъ люди, какъ менѣе научное занятіе, чѣмъ занятіе тѣми предметами, которые только что указаны нами.

Но, по отношенію къ Логикѣ, часто высказывалось мнѣніе, что теорія, не стремящаяся исправить

примененія, совершенно не заслуживаетъ вниманія. Кроме того утверждаютъ, что Логика вовсе не имѣетъ подобныхъ стремленій и указываютъ на то, что люди могутъ разсуждать и разсуждаютъ правильно безъ помощи ея. Но тоже самое сѣдуетъ сказать о Грамматикѣ, Музыкѣ, Химіи, Механикѣ и т. д. словомъ о всѣхъ наукахъ, практическія примненія которыхъ развились прежде ихъ теорій.

Многіе, признающіе пользу научныхъ началъ вообще, часто выставляютъ здравый смыслъ, какъ достаточный и единственно безопасный руководитель при разсужденіи. Подъ словомъ *здравый смыслъ*, (если только ему придаютъ опредѣленное значеніе), подразумѣваютъ сужденіе, совершающееся безъ пособія какого либо искусства или свода правилъ, необходимое при множествѣ случаевъ обыденной жизни. Не имѣя здѣсь никакихъ принятыхъ началъ для руководства въ такомъ сужденіи, никакихъ опредѣленныхъ указаній относительно хода его, намъ приходится дѣйствовать по вдохновенію. Тому, кто особенно искусственъ въ этомъ, приписываютъ обладаніе здравымъ смысломъ въ высокой степени. Но что здравый смыслъ есть хорошій руководитель только за недостаткомъ лучшаго, что желательно имѣть законы даннаго искусства, если только они могутъ быть найдены, то въ подтвержденіе справедливости этихъ положеній, можно сослаться на все человѣчество; въ настоящемъ же случаѣ ссылка эта имѣетъ тѣмъ большее значеніе, такъ какъ она доставляетъ намъ

свидѣтельство людей, не согласныхъ съ нашимъ положеніемъ. Дѣйствительно, большинство питаетъ сильное пристрастіе къ здоровому смыслу только въ тѣхъ случаяхъ, когда оно не знакомо съ относящеюся къ нимъ системою правилъ; коль скоро же оно обладаетъ знаніемъ правилъ, то оно осмѣиваетъ тѣхъ, которые въ подобныхъ случаяхъ, опираются исключительно на здравый смыслъ. Можетъ случиться, что морякъ напр., будетъ относиться съ презрѣніемъ къ притязаніямъ врачей и предпочитать леченіе болѣзней по здоровому смыслу; но тотъ же самый морякъ нашелъ бы смѣшнымъ предложеніе управлять кораблемъ по здоровому смыслу и не принимая во вниманіе основныхъ правилъ мореплаванія. Точно также пной медикъ станетъ пренебрегать системами политической экономіи, логики, метафизики и утверждать что въ этихъ областяхъ лучше всего полагаться на здравый смыслъ; но онъ никогда не одобрилъ бы леченія болѣзней на такомъ же основаніи. Точно также архитекторъ не посоветуетъ полагаться исключительно на здравый смыслъ при постройкахъ, ни музыкантъ при занятіяхъ музыкою; каждый изъ нихъ не захочетъ пренебрегать тою системою правилъ, которыя научнымъ путемъ и на основаніи опыта выведены въ каждой изъ этихъ областей. Выводъ этотъ можетъ быть распространенъ на всѣ роды практическихъ приложеній. Такъ какъ въ каждомъ изъ нихъ даютъ предпочтеніе здоровому смыслу только тогда, когда не на что болѣе положиться, въ противномъ же случаѣ всегда обращаются къ

законамъ искусства, коль скоро эти законы извѣстны, то изъ этого слѣдуетъ, что всѣ люди высказываютъ предпочтеніе систематическому знанію предъ догадочнымъ сужденіемъ, хотя не сознаютъ или не желаютъ выказать этого.

Замѣтимъ впрочемъ, что здравому смыслу остается еще обширное поле дѣятельности при *приложеніяхъ* системы правилъ. Чтобы привести доводы изъ той формы, въ которой они высказываются въ разговорахъ и въ книгахъ, въ правильную логическую форму, нужно пользоваться здравымъ смысломъ и обладать навыкомъ, такъ какъ такіе доводы нельзя предполагать вошедшими въ область науки, потому что въ такомъ случаѣ они были бы правильными и представлялись бы всегда въ видѣ правильного сплюгизма. Чтобы дать читателю упражненіе въ этихъ дѣйствіяхъ, я помѣстилъ въ Приложеніи къ этой книгѣ нѣсколько примѣровъ отдѣльныхъ разсужденій. Нужно еще прибавить, что значительную часть того, что обыкновенно разсматривается въ Логикѣ и что относится къ пріисканію доводовъ и различнымъ родамъ ихъ, я отнесъ къ Реторикѣ и разсматривалъ въ отдѣльномъ сочиненіи объ Основаніяхъ этого искусства.

Вѣроятно полное и сознательное убѣжденіе въ прямой и косвенной пользѣ знакомства съ Логикою побудило Оксфордскій Университетъ, при пересмотрѣ своихъ уставовъ, не только удержать эту науку въ циклѣ преподаваемыхъ въ немъ предметовъ, не смотря на вопль многихъ полуобразованныхъ людей, но и дать ей преобладающее значеніе, сдѣ-

лавъ экзаменъ изъ нея необходимымъ для полученія первой ученой степени. Я убѣжденъ впрочемъ, что это послѣднее обстоятельство привело къ послѣдствіямъ совершенно противоположнымъ тѣмъ цѣлямъ, которыя при этомъ имѣлись въ виду: оно способствовало не возвышенію, а, напротивъ, уменьшенію уваженія къ этой наукѣ и отвлекло отъ нея вниманіе многихъ, которые могли бы съ пользою заниматься ею. Я вовсе не воображаю, что какой бы то ни было способъ преподаванія той или другой науки можетъ имѣть большой успѣхъ по отношенію ко всѣмъ студентамъ или большей части ихъ: «мы сѣемъ много сѣмянъ, но мало собираемъ плодовъ». Но можно бы ожидать (и этого ожидали вѣроятно), что по крайней мѣрѣ, большая часть успѣвающихъ слушателей будутъ пріобрѣтать достойную вниманія пользу отъ занятій Логикою, и что лучшіе изъ нихъ окажутся хорошими, если не отличными логиками. Я не хочу разсматривать подобныя ожиданія, какъ нелѣпыя или утверждать, что я самъ не могъ бы питать ихъ, если бы въ то время, когда весь опытъ былъ еще впереди, пришлось высказывать свое сужденіе объ этомъ предметѣ. Но послѣдующій опытъ показалъ, что эти ожиданія далеко не оправдываются на дѣлѣ. Дѣйствительно, только весьма не многіе изъ лучшихъ студентовъ успѣваютъ въ Логикѣ, большая же часть ихъ проходятъ черезъ университетъ, не узнавая ничего объ этомъ предметѣ. Этимъ я не хочу сказать, чтобы они не заучили цѣлаго ряда техническихъ терминовъ, а только что они при этомъ совершенно

ничего не узнали изъ началъ науки. Незначительный и имѣющій мѣсто только въ частныхъ случаяхъ успѣхъ этой мѣры. имѣвшей въ виду поощрять занятія Логикою. завлечтъ, какъ кажется мнѣ, отъ всеобщности указанныхъ требованій. То, что долженъ дѣлать каждый, дѣлается весьма часто совершенно безучастно. Если при этомъ совершенно установится убѣжденіе, какъ это навѣрное было въ этомъ случаѣ, что предметъ, требуемый при испытаніяхъ, не имѣетъ никакого значенія при полученіи отличій, то устанавливается весьма низкій уровень требованій въ этомъ отношеніи, и тогда довольствуются только достиженіемъ этого уровня и не обращаютъ вовсе вниманія на болѣе или менѣе успѣхъ въ этой области знаній.

Законъ Божій относится также къ числу предметовъ, поставленныхъ въ такія же условія какъ Логика, и многое сказанное относительно Логики относится и къ этому предмету; хотя между ними есть на самомъ дѣлѣ нѣсколько весьма существенныхъ отличій. Слѣдующее обстоятельство особенно ярко указываетъ это различіе: богословіе, не будучи наукою, допускаетъ безчисленное множество степеней знанія, начиная съ той степени, въ которой оно доступно дитяти, до той, которая доступна только самымъ высокимъ умамъ, и каждая степень знанія сама по себѣ имѣетъ неопредѣленные преимущества. Если кто либо порядочно понимаетъ катехизисъ или даже половину его, то онъ знаетъ уже кое что изъ Закона Божія, и это кое что несравненно лучше, чѣмъ ничто. Но